

Армия моей страны

Армия у нас — это совершенно закрытая зона. Все равно, что тюрьма. Собственно, это и есть тюрьма, просто названа другим словом. И в армию, и в тюрьму не может вступить нога ни одного человека, которого не «захотело» военное (тюремное) начальство. Отсюда сложилась традиция, что жизнь любого в армии — это путь раба.

Конечно, мы тут не оригиналы — в любой стране армия стремится к закрытости, и именно это, похоже, дает нам основания говорить о генералах как о едином международном племени людском с общепланетарными характерологическими особенностями, вне зависимости от того, президенту какого государства служит тот или иной генерал.

Однако в России есть свои специфические армейские, а точнее, особенности армейско-гражданских отношений. Они состоят в том, что в России отсутствует хоть какой-то гражданский контроль за действиями военных. Солдат, как низшая каста армейской структуры, есть никто, зеро, и только так. За бетонными стенами воинских частей любой офицер может делать с солдатом абсолютно все, что этому офицеру в данный момент в голову взбредет. Точно так же, как и старший офицер может сделать с младшим своим коллегой все, что ему нравится.

Наверное, у вас на языке уже вопрос: мол, не все же так плохо? Точнее, все не может ведь быть так плохо?..

Действительно, не все. Это сложившееся положение вещей меняется в лучшую сторону лишь в том случае, когда в армейской структуре вдруг появляется конкретный человек с гуманитарными наклонностями и начинает их демонстрировать, призывая к порядку подчиненных... Только так, методом ЛИЧНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ, а не общественно урегулированных

взаимоотношений мы имеем в армии хоть какой-то свет в конце тоннеля. В целом же система закрытая и рабская.

«Ну а как же ваши вожди?» — опять спросите вы. Которые по совместительству президенты и верховные главнокомандующие — персоны 1 в армии? И поэтому, персонально отвечают за положение дел в ней?..

Занимая место в Кремле, наши вожди (президенты) соревнуются не в том, как покончить с отвратительными традициями и как способствовать принятию законов, ограничивающих беспредел в армии, а скорее, наоборот, — в том, как дать армии еще большую власть над подчиненными людьми. И вот в зависимости от этого — дает вождь или не дает — армия то ли поддерживает этого конкретного вождя, или противодействует ему. Попытки гуманизировать армию имели место единственно при Ельцине — на фоне всеобщего стремления к демократическим свободам. Но быстро прекратились — власть у нас традиционно дороже спасенных солдатских жизней. И под напором возмущенного Генерального штаба Ельцин пал на милость генералитету.

Теперь, при Путине, и этих попыток нет. Более того, при нынешнем президенте, который сам офицер, их не может быть по определению. Только лишь слегка обозначившись на российском политическом горизонте в качестве вероятного главы государства, а не в должности непопулярного директора ненавидимой почти всем народом ФСБ, Владимир Владимирович стал высказываться в том духе, что армия, униженная при Ельцине (имелись в виду как раз те самые худосочные попытки ограничения армейской анархии), у нас отныне будет повсеместно возрождаться и единственное, чего ей не хватает для полного и окончательного ренессанса, так это войны, второй чеченской войны... Все, что потом произошло у нас на Северном Кавказе, объясняется именно этой изначальной посылкой Путина: когда началась вторая чеченская война, армии позволили делать в Чечне все, что хочется, — и она дружно проголосовала за Путина на президентских выборах 2000 года.

Почти нет сомнений, что проголосует и во второй раз — в 2004 году. Нынешняя война на Кавказе стала крайне выгодной и прибыльной во всех смыслах — там люди быстро получают чины, ордена, куются стремительные карьеры, молодые «боевые» генералы открывают для себя путь в политику — в ряды политической элиты. А Путин сейчас уже подкатывается к стране со следующим предвыборным лозунгом: о возрождении армии как свершившемся факте, о том, что он, Путин, помог армии, ранее оскорбленной (при Ельцине) и побежденной в первой чеченской войне, встать с колен...

О том, как он действительно ей «помог», я и расскажу дальше несколько историй. Ну а вы уж сами сделаете выводы, прикинув ситуацию на себя: хотели бы лично вы жить в ТАКОЙ стране и исправно платить налоги на ПОДОБНУЮ армию? И считали бы вы возможным, чтобы ВАШИ сыновья, достигнув 18-летия (срок призыва), превратились в армейский «человеческий материал», как это у нас принято называть? Могла бы вас устроить армия, где каждую неделю солдаты массово дезертируют — иногда целыми взводами, а время от времени и поротно? Бегут прочь, лишь бы сохранить свои жизни? Армия, где не на войне, а ТОЛЬКО ОТ ПОБОЕВ и за один 2002-й год погиб целый батальон — больше 500 человек?.. Где офицеры воруют все — от 10-рублевки у солдат, присланных родителями, до танковых колонн у государства? Где старшие офицеры ненавидят младших офицеров и тоже бьют их, как хотят и когда хотят? А младшие офицеры спускают свою накопившуюся против старших офицеров ненависть на солдат? Где офицеры дружно, вместе ненавидят солдатских матерей за то, что те временами — не очень часто, большинство у нас боится, но все-таки иногда, когда обстоятельства гибели уж совсем вопиющие, — возмущаются тем, что их сыновей убили, и требуют справедливого возмездия?..

История первая

Седьмой

или № У-729343 — Забытый на поле боя

На календаре — 18 ноября 2002 года. Нина Ивановна Левурда, бывшая (теперь на пенсии) школьная учительница русского языка и литературы с 25-летним стажем, грузная, усталая и немолодая женщина с букетом тяжелых болезней — опять, в который уже раз за последний год, выстаивает часы ожидания в подчеркнуто-неуютном судебном предбаннике Пресненского межмуниципального столичного суда.

Деваться Нине Ивановне некуда. Она — мама без сына. И, что самое главное, без правды о сыне. Павел Левурда, старший лейтенант, 1975 года рождения, или, согласно специальной армейской калькуляции, № У-729343, погиб в Чечне почти два года назад, в начале второй чеченской войны. Той самой, где армия, по Путину, возродилась. Как это возрождение происходило — в истории последних месяцев жизни и смерти У-729343-го номера. Где даже не сам факт смерти — наши матери привыкли ко всему, и даже к смертям своих детей — а обстоятельства, при которых она произошла и которые последовали за нее, заставляют Нину Ивановну вот уже одиннадцать месяцев подряд ходить по судебным инстанциям. Ходить с одной-единственной целью — пытаться добиться от государства юридически точного ответа на вопрос: почему ее сына просто-напросто забыли на поле боя? И за что уже ее, мать забытого на поле боя бойца, потом, после гибели сына, так жестоко мучило Министерство нашей беспощадной к людям обороны?

...Павел Левурда хотел быть военным. Он мечтал об армейской карьере с детства — нельзя сказать, что сегодня это уж очень распространенное явление, скорее все наоборот: мальчики из бедных семей, не способных заплатить за высшее образование своих детей, действительно, стремятся поступить в военные училища, но это для того, чтобы получить диплом и тут же уволиться, имея в руках специальность, — и именно этим, тотальной бедностью желающих иметь образование, а не подъемом престижа армии во времена правления Путина объясняются такие явления, как, с одной стороны, постоянные бравурные официальные рапорты администрации президента о растущих конкурсах в военные институты (что сущая правда), но также, с другой стороны, наглухо

умалчиваемая властью, совершенно не афишируемая информация о катастрофическом некомплекте младших офицеров в частях (младшие офицеры, окончив училища, просто не доезжают до гарнизонов, куда получили распределения, «тяжело заболевают» по дороге, «делают» справки о неожиданной инвалидности, что вполне возможно в такой коррумпированной стране, как наша).

Но Павел был другим, особенным — он хотел быть именно офицером. Родители его отговаривали, потому что знали, как это несладко: Петр Левурда, отец Павла — сам офицер, и семья всю жизнь моталась по дальним гарнизонам и сельским полигонам.

К тому же все это было в начале 90-х, и в стране, вслед за империей, все стремительно разваливалось, и только сумасшедший — так тогда считалось — решался пойти после школы в военное училище, где в то время даже кормить курсантов было нечем...

Павел настоял на своем. И уехал в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище. В 1996 году он стал офицером и попал служить сначала под Петербург, а потом, в 98-м, и вовсе в самое пекло — в 58-ю армию.

У 58-й армии у нас — дурная слава. Именно она — во многом символ разложения Вооруженных сил страны. Конечно, все это произошло не только в связи с правлением Путина, а гораздо раньше. Однако на Путине лежит огромная ответственность, во-первых, за полную офицерскую анархию, дозволенную в войсках, и, во-вторых, за фактическое придание офицерам статуса «государственно-неприкосновенных» — их практически не отдают под суд, какие бы преступления ими ни были совершены, они безнаказанны.

58-я армия, куда попал Левурда, — это еще к тому же и так называемая армия генерала Владимира Шаманова, Героя России и участника двух чеченских войн, где прославился он особенной жестокостью по отношению к

гражданскому населению. Теперь генерал Шаманов в отставке, уволился и стал губернатором Ульяновской области, используя вторую чеченскую войну, когда он не сходил с телеэкранов, ежедневно объясняя стране, что «все чеченцы — бандиты» и поэтому подлежат уничтожению, и всячески поддержанный за это Путиным — используя войну в качестве трамплина в своей политической карьере.

Боевые подразделения 58-й армии, штаб которой дислоцируется во Владикавказе (столица соседней с Чечней и Ингушетией Республики Северная Осетия-Алания), воевали и в первую чеченскую войну, воюют и сейчас. Офицерский корпус 58-й, вслед за своим генералом, прославился особенной жестокостью по отношению как к людям Чечни, так и к собственным солдатам и младшим офицерам. Архив Ростовского комитета солдатских матерей (Ростов-на-Дону — базовый, штабной город Северо-Кавказского военного округа, в который входит 58-я армия) состоит в основном из дел, связанных с дезертирством рядовых от офицерских побоев именно из 58-й. Ну а, кроме этого, «славится» это воинское подразделение наглым воровством (боеприпасов с собственных военных складов) да предательством, поставленным на поток (продажей ворованного у самих себя оружия полевым командирам сил чеченского сопротивления, то есть действиями против «своих»).

Лично знаю многих молодых офицеров, которые делали все от них возможное, только чтобы не оказываться на службе в 58-й армии. А вот Левурда решил по-другому. Он оставался в строю, писал тяжелые письма, приезжал в отпуск домой, и родители замечали: сын все мрачнее и мрачнее... Однако, когда те умоляли его уволиться, говорил просто: «Раз надо, значит, надо». Сегодня можно уверенно сказать, что Павел Левурда был одним из тех, о ком власть могла бы с уверенностью сказать: вот уж этот молодой наш гражданин с его особым, обостренным чувством долга перед Родиной и представлением о патриотизме, — он и есть наша надежда на действительное, а не по-путински, возрождение лучших военных традиций, офицерской чести и достоинства.

Однако власть сказала совсем другое...

В 2000 году Павел Левурда опять получает шанс отказаться и не ехать ни на какой Северный Кавказ воевать — и мало кто бы его осудил тогда, в 2000-м, вопреки расхожей теперь государственной пропаганде многие молодые офицеры, не желая ехать на войну, искали возможности избежать этого. Опять же — «делали» всяческие справки, «находили» в своем организме признаки неожиданной «инвалидности», вступали в фиктивные браки с женщинами, у которых уже было двое детей, и это давало право избежать назначения.

Но... Так уж сложились обстоятельства — Павлу Левурде стало неудобно бросать своих солдат (так он объяснял родителям) — их отправляли на войну, а он должен был крутиться, обманывать, химичить, чтобы остаться и уцелеть...

И — Павел своим шансом выжить не воспользовался. 13 января 2000 года он отбыл на войну. Сначала из Брянска (из очередного отпуска, там жили тогда его родители) — в Подмосковье, в 15-й гвардейский мотострелковый полк 2-й гвардейской (Таманской) дивизии (в/ч 73881). А потом и дальше: 15 января Нина Ивановна в последний раз слышала голос сына в телефонной трубке, он позвонил и сообщил, что подписал специальный контракт для отбытия в Чечню и...

В общем, было понятно, что значит это мерзкое «и».

— Я плакала, уговаривала отказаться, — рассказывает Нина Ивановна. — Но Паша сказал, что все уже решил, обратной дороги нет. Я попросила свою племянницу, которая живет в Москве, срочно съездить в Таманскую дивизию, встретиться с ним, попытаться отговорить... Но когда племянница приехала в часть, то оказалось, что разминулась с Пашей всего в несколько часов — он уже улетел военным бортом в Моздок... *(Моздок — маленький городок в Северной Осетии на границе с Чечней. В начале войны здесь располагалась главная*

военная база Объединенной группировки сил и войск, задействованных в «антитеррористической операции». — Прим. Авт.)

Итак, 18 января 2000 года У-729343-й, будучи погружен на самолет вместе с другими такими же «номерами», оказался в Чечне.

«Сейчас я нахожусь под Грозным на юго-западной окраине... — Это строки из письма Паши родителям. Первого и единственного письма с войны, и оно датировано 24 января 2000 года. — Город блокирован со всех сторон, и в нем идут серьезные бои... Стрельба не прекращается ни на минуту. Город горит постоянно, небо все черное — иногда прямо рядом может упасть мина или какой-нибудь истребитель пустит под ухо ракету. Артиллерия — та вообще не умолкает... Потери в батальоне ужасные. В моей роте вообще всех офицеров повыбивало... До меня командир моего взвода подорвался на нашей же растяжке с гранатой. А мой командир роты, когда я прибыл к нему, неудачно взял свой автомат и пустил очередь в землю в сантиметрах от меня. Чудом не попал. Все потом смеялись: «Паша, до тебя пять командиров взвода было, а ты и пяти минут мог бы здесь не продержаться!». Народ здесь хороший, но психически неустойчивый. Офицеры — контрактные, но солдаты, за исключением единиц, молодые, держатся. Спим вместе в палатке, на земле. Вшей — море. Питаемся каким-то дерьмом. Иначе никак. Что ждет нас впереди — неизвестно. Либо наступление неизвестно куда; либо сидение на одном и том же месте, пока не сдуреем; либо выведут отсюда на фиг в Москву... Либо черт знает что... Я не болею, но охватывает дикая тоска... Все, пока. Обнимаю, целую. Паша».

Трудно такое письмо назвать способным успокоить родителей... Однако на войне быстро пропадают ориентиры мирной жизни, человеческий мозг их просто отшвыривает — иначе, наверное, сойдешь с ума, и ты перестаешь понимать, чем можно успокоить, а чем шокировать того, кто далеко от войны, потому что ты шокирован во сто крат больше, и ты запутываешься...

Как станет известно позже, Паша был, действительно, уверен, что именно такое письмо должно сыграть роль валерьянки для его родителей... Потому что ничего он, на самом деле, не ждал, лежа в палатке, а, по крайней мере с 21 января, принимал участие в этих самых «серьезных боях», приняв сначала командование гранатометным взводом, а потом, очень вскоре, и всей ротой (офицеров «повыбивало», как он писал, и исполнять обязанности командиров было просто некому).

И был он при этом не только «на окраине» Грозного, который, согласно письму, «горит постоянно» где-то в стороне...

Дальше — язык официального документа: 19 февраля, помогая выходить из окружения батальонным разведгруппам и «прикрывая отход своих товарищей» (цитата из наградного листа — представление к ордену Мужества) из селения Ушкалой Итум-Калинского района, старший лейтенант Левурда был тяжело ранен и скончался «от массивной кровопотери вследствие множественных огнестрельных пулевых ранений»...

Итак, значит, Ушкалой. Зимой 2000 года там была самая трудная война: в горных лесах, на узких тропках — отчаянная партизанская война. Однако это пояснение — лишь для общего понимания ситуации. Нина Ивановна, мама, думала в ту пору по-другому: раз «скончался», то где же тело? Что похоронить? И ведь должно быть оно, тело, где-то?

Но никакого гроба с останками сына домой, к семье Левурды, не пришло. С этого и началась новая полоса мучительной жизни Нины Ивановны — ее собственное расследование с целью разыскать останки любимого сына, потерянные государством, которому ее сын так отчаянно-верно старался служить...

Вот что выяснила мать, превратившись одновременно и в военного прокурора, и в следователя. 19 февраля, в день официальной гибели ее сына, те

«товарищи», которых он прикрывал ценою собственной жизни, действительно отошли... А вот Пашу, ее Пашу, вместе еще с другими семью бойцами, прорывавшими окружение для выживших, они просто оставили на месте тяжелого боя. Когда их оставляли, большинство были еще тогда ранеными, но живыми. Они умоляли о помощи, кричали, просили не оставлять — так об этом бое и его последствиях позже свидетельствовали жители этого далекого горного селения Ушкалой. Много происходило на их глазах, кого-то из раненых они сами перевязали, но не более того. В Ушкалое нет никакой больницы, нет своего врача и даже медсестры...

Война, как известно, — это место, где не всегда случаются подвиги и человек способен на одно лишь благородство. Сначала Павла Левурду оставили на поле боя. А потом — еще и забыли, что его тело там лежит и что есть семья, которая это тело ждет.

Те, кто выжил в том бою, просто выкинули из головы тех, кто погиб ради того, чтобы они выжили.

Необходимое пояснение: то, что произошло с Павлом Левурдой после смерти, типично для нашей армии. В этом позорном эпизоде — суть наших подходов. В армии человек — ничто. И еще в армии отсутствует четкая система контроля и ответственности перед семьями военнослужащих. В армии в этом смысле — полный хаос. И везет только тем, у кого есть вышестоящий командир, ЛИЧНЫЕ качества которого не позволяют ЗАБЫТЬ бойцов на поле боя.

...Вспомнили о Левурде только почти через неделю после его смерти. 24 февраля, когда, согласно официальной информации Главного военного штаба в Чечне (а это было более позднее вранье штаба, рассчитанное только на то, чтобы доказать в суде, куда обратилась позже мать с иском о возмещении нанесенного ей Министерством обороны морального вреда, что «не было объективной возможности» забрать тело ее сына), Ушкалой был полностью освобожден «от боевиков», селение «перешло под контроль» федералов...

Хорошо, пусть так... Но и 24 февраля военные подобрали в Ушкалое тела только шести из семи прорывавших окружение! Подобрали — и уехали. А седьмого — нет. Этим «седьмым» и был Левурда. Не найдя его, они опять забыли про него...

Мать дома билась в истерике. То единственное письмо, напомним, пришло к ней 7 февраля, и с тех пор ничего — ни весточек, ни сына, ни информации, ни ответов на вопросы. Даром что Министерство обороны отсылало всех подобных на свою «горячую линию», это мало что меняло, с тамошними дежурными офицерами — все равно как с компьютером поговорить о своем неумолимо надвигающемся горе. «Старший лейтенант Левурда Павел Петрович в списках погибших и пропавших без вести не значится», — вот что они отвечали, и все. Ни слова сверх того.

Такие «исчерпывающие» тексты с «горячей линии» слушала Нина Ивановна несколько месяцев подряд. Самое гадкое в том, что даже тогда, когда она самостоятельно нашла Пашины останки. В самый последний раз мать позвонила в Министерство обороны, на «горячую линию» — не поверите — 25 августа, через полгода с момента официального уведомления о смерти и уже после того, как нашла и опознала, без всякой помощи полка, Пашино — «седьмое», тело, и, значит, отцы-командиры все пребывали и пребывали в своей «забывчивости», и потому информацию в центральный аппарат не обновляли...

Впрочем, по порядку. 20 мая, через три месяца после тех боев, сотрудники временного отдела внутренних дел Итум-Калинского района (местная милиция) обнаружили в Ушкалое «захоронение, в котором находился труп мужчины с признаками насильственной смерти». Так они зафиксировали в своем протоколе.

Однако, как уж там все получилось — наверное, виновата опять же наша извечная, равнодушная к человеческой судьбе, преступная суета, — и только 6 июля, спустя еще полтора месяца ежедневных звонков Нины Ивановна и на

«горячую линию», и в местный военкомат, итум-калинские милиционеры наконец написали специальную на этот случай бумагу на поиск — «ориентировку-задание № 464», что-де у них в мае обнаружен труп с такими-то признаками.

19 июля «ориентировка» наконец дошла до Брянского уголовного розыска — потому что Павел уезжал на войну из последнего отпуска именно из Брянска, и Нина Ивановна, бросаясь во все возможные инстанции, подала официальное заявление на розыск без вести пропавшего сына (он таковым же стал числиться) именно в брянскую милицию. И 2 августа (когда даже с момента обнаружения тела в Ушкалое прошло уже два с половиной месяца) домой к Пашиным родителям пришел обычный милиционер из обычного районного отдела милиции — оперуполномоченный Абрамочкин.

Дома была одна 14-летняя девочка — внучка Нины Ивановны, племянница Павла, дочка его старшей сестры Лены. Милиционер Абрамочкин что-то расспрашивал у нее о Паше, выяснял, какие вещи у него были с собой, и, наконец, был очень сильно удивлен, что попал в семью военнослужащего... Оказалось, он был уверен, что речь идет просто о парне, который неизвестно зачем подался в Чечню и там погиб...

Когда девочка объяснила, что их Паша — офицер, официально попавший в зону «антитеррористической операции», что их известили о его гибели, но тела не прислали и что уже несколько месяцев они совсем ничего не знают о нем и не понимают, как им быть дальше...

Именно рядовой оперуполномоченный Абрамочкин, которому «спустили» это рядовое для милиции расследование «по неизвестному трупу», — а не Министерство обороны в любом своем лице, в конце концов и сообщил матери героически погибшего офицера, что с 19 февраля Павел Петрович Левурда официально числится пропавшим без вести, а с 20 февраля — снятым со всех видов довольствия в воинской части № 73881 (результат милицейского

расследования)... И он, милиционер, только потому этим занимается, что его коллеги нашли в Ушкалое труп военнослужащего с признаками, похожими на признаки числящегося без вести пропавшим старшего лейтенанта, согласно заявлению Нины Ивановны, но не запросу Министерства обороны! И те, итумкалинские милиционеры, попросили его, Абрамочкина, сходить к родителям в Брянске и узнать (!) «адрес постоянной дислокации воинской части № 73881, в которой проходил службу Левурда П.П.», чтобы связаться с ее командиром для выяснения всех обстоятельств гибели человека, по описанию матери похожего на их офицера...

То, что в кавычках, — цитаты из официальной переписки с Ниной Ивановной. Однако это и детали, характеризующие как армейские реалии, так и суть той войны, которую ведет у нас на Кавказе ТАКАЯ армия, какую мы имеем при Путине. В этой армии правая военная рука никогда не знает, чем занята левая, и легче письменно, а значит очень долго, спрашивать у родителей, которые за тридевять земель, чем докричаться до главного штаба в Ханкале (военная база под Грозным), где найти командира Таманской дивизии — вроде бы раз плюнуть...

Милиционер Абрамочкин, видя состояние, в котором находится семья, искренне посоветовал Нине Ивановне не ждать у моря погоды и быстрее ехать в Ростов-на-Дону — он уже узнал к тому времени, что останки «неизвестного военнослужащего» из Ушкалоя перевезли как неопознанные в главный военный морг в Ростове-на-Дону — к известному в России полковнику Владимиру Щербакову, начальнику 124-й военной судебно-медицинской лаборатории, занимающейся опознанием неизвестных. Но! Занимается этим полковник Щербаков — и это очень важно — не по заданию командиров, генералов, главного штаба, а по собственному ЛИЧНОМУ душевному расположению и ЛИЧНОЙ убежденности — видя глаза несчастных матерей, которые приезжают со всей страны в Ростов-на-Дону в поисках своих потерянных сыновей-военнослужащих.

Абрамочкин посоветовал также все же не нервничать загодя, потому что «все ведь у нас бывает», как это говорят в России, имея в виду путаницу с трупами. Тем временем к истории семьи Левурды подключился Брянский комитет солдатских матерей, и только так — через Абрамочкина, сходившего к Нине Ивановне, и брянских солдатских матерей — 15-й очень гвардейский полк и совсем уж гвардейская Таманская дивизия наконец-то узнали, что седьмое, забытое «товарищами» тело, возможно, есть тело Павла Левурды...

— 20 августа мы приехали в Ростов, — рассказывает Нина Ивановна. — Я сразу пошла в лабораторию. Вход туда не охраняется. Я вошла. Свернула в первый попавшийся по дороге кабинет судмедэксперта, и я увидела, что на его рабочем столе стоит на канделябрах голова, отделенная от тела. Точнее, череп. Но я сразу поняла, что это Пашина голова... Хотя рядом стояли другие черепа.

Можно ли хоть как-то оценить или восполнить тот моральный урон, который понесла мать?

Конечно, нет. И еще, кто спорит — работа у судмедэкспертов такая, что черепа у них стоят на столах и всякий может с улицы зайти...

Но все же... Мы все более становимся нацией людей без затей — простецкой, не чувствующей тонкостей и поэтому аморальной...

Ну, а тут как раз к матери, которую только что отпоили таблетками после встречи с Пашиным черепом (позже этот сразу признанный матерью череп действительно оказался Пашиным), и подлетел так называемый «представитель части», также прибывший в Ростов. Это Абрамочкин узнал у родителей адрес части, телеграфировал туда, командир снарядил в Ростов «представителя» для улаживания формальностей...

В руках у «представителя» было «извещение». Нина Ивановна посмотрела в бумагу и — как на тот череп в кабинете судмедэксперта — упала в долгий

обморок. «Извещение» представляло собой бумагу, в которой гвардии подполковник А. Драгунов, и.о. командира воинской части № 73881, и такой же гвардии подполковник А. Початенко, начальник штаба той же части, просили (неизвестно кого) официально известить «гр. Левурда», что «их сын..., выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб в бою». Это воинская часть пыталась замести следы своей преступной «забывчивости».

Придя в себя, Нина Ивановна внимательно прочитала «извещение» — это «погиб в бою». И увидела, что в документе нет никакого числа — когда, собственно, погиб ее сын...

— А как же быть с датой? — спросила Нина Ивановна «представителя».

— Да сами и впишите, какую хотите, — ответил он ей просто.

— Как это — «впишите»? — выкрикнула Нина Ивановна. — Я родила Пашу в тот день, когда родила, — и это день его рождения. И я имею права знать день его смерти — я хочу знать, когда же он погиб!

«Представитель» развел руками: мол, ничего не знаю, мне лишь приказали обменяться бумагами, а ничего не обсуждать... И сунул матери в руки еще и выписку из приказа по строевой части об исключении «старшего лейтенанта из списков полка» — и тоже без всякой даты, причин и прочего, но с печатями и подписями внизу. И, опять на голубом глазу, попросил Нину Ивановну все это собственноручно заполнить и передать по возвращении домой в районный военный комиссариат, чтобы Пашу там сняли с воинского учета.

Нина Ивановна уже молчала. Что можно объяснить человеку, у которого нет ни души, ни сердца, ни ума.

— Но, согласитесь, так же — проще?.. Мне далеко будет ехать в Брянск, в военкомат... — полувопросительно продолжал «представитель».

Конечно, проще. И не поспоришь: действительно, просто БЫТЬ ПРОСТЫМ, без затей. Как наш нынешний министр обороны Сергей Иванов, ближайший товарищ президента еще со времен работы Путина в ФСБ Санкт-Петербурга: еженедельно по телевизору Иванов озвучивает для страны военные послания президента, где тон Иванова обычно, как у Геббельса на киноплёнке времен Второй мировой войны, и Иванов говорит, что никто не заставит нас «встать на колени перед террористами», что собирается он продолжать войну в Чечне до какого-то там «победного конца»... Но НИКОГДА не услышать от министра Иванова ни слова о судьбах тех самых людей, солдат и офицеров, которые, собственно, и обеспечивают ему и президенту возможность выглядеть «не вставшими на колени перед террористами». Вектор развития нынешней власти совершенно несоветский: нет людей — а есть винтики, обязанные беспрекословно воплощать в жизнь политические авантюры тех, кто присвоил власть, и у этих «винтиков» нет права ни на что, включая достойную смерть.

Куда сложнее БЫТЬ НЕПРОСТЫМ. Для меня это означает видеть не только «генеральную линию партии и правительства», но и подробности ее реализации. Подробности же таковы: 31 августа 2000 года № У-729343-й наконец-то был похоронен в городе Иваново. Ростовские судмедэксперты отдали Нине Ивановне ту самую Пашину голову — других останков, собственно, и не оказалось.

Почему хоронить решили в Иваново? Потому что семья навсегда уехала из ставшего теперь очень тяжким для них Брянска — поближе к старшей дочери, живущей в Иваново.

Сегодня Нина Ивановна — человек, известный в России. Потому что, предав земле останки сына, с таким трудом выданные у государства, уже на девятый день после похорон Нина Ивановна собралась в дорогу — в тот самый

15-й полк Таманской дивизии, в его штаб в Подмосковье. Сначала, отправляясь из Иванова, она хотела одного — посмотреть в глаза Пашиным командирам, увидеть там хотя бы раскаяние перед матерью за то, что «забыли».

— Я, конечно, не надеялась на извинения... — говорит Нина Ивановна. — Но хотя бы сочувствие и раскаяние в глазах...

Однако в Таманской дивизии с матерью никто не захотел даже поговорить. Командир был недостижим: рано утром, днем и поздно вечером. Нина Ивановна трое суток сидела на проходной, ожидая встречи с ним — без еды, чая, сна, внимания. Старшие офицеры туда-сюда пробегали мимо нее, как тараканы, делая вид, что не замечают... Именно там, на проходной, Нина Ивановна Левурда и приняла решение подать в суд на государство — этим она стала известна в России, — вчинив иск Министерству обороны и его руководителю министру Иванову по совокупности причиненных ей моральных страданий. Причем не в связи со смертью сына — он погиб, выполняя воинский долг. А в связи с тем, что случилось после его смерти.

Суть требований матери, если перевести со сложного процессуального на обычный язык, в следующем: она хочет ответа на несколько вопросов. Почему полк оставил тело ее сына на поле боя? Почему не искал? Почему ничего не сообщил ей о его судьбе? Почему она сама должна была искать? И кто персонально несет за это ответственность?..

Что было потом? Во-первых, орден Мужества — награду сына Нине Ивановне вручили в Ивановском областном военкомате. Во-вторых, месть. Министерство обороны и Таманская дивизия встали на тропу войны с матерью погибшего лейтенанта, посмевавшей открыто возмутиться их поведением. В ее ходе Нину Ивановну подвергли пыткой моральным «Путин-газом», применив к ней дозу с той же целью, что и к террористам, — сломить волю, «поставить на место», чтобы другим неповадно было.

Это выразилось в следующем. Почти что за год прошло восемь судебных заседаний (первое — 26 декабря 2001 года, последнее — 18 ноября 2002-го), и все — без всякого результата. К сути иска Нины Ивановны суд даже не приступил — представители Министерства обороны заседания игнорировали, будучи уверены в своей полной безнаказанности. И они были правы: сначала дело «Нина Левурда против государства» попало к судье Тюленеву (Пресненский межмуниципальный суд Москвы, по месту юридического адреса Министерства обороны), и тот решил, что мать «не имеет права на информацию» о теле собственного сына, а значит, Министерство обороны не должно было ей эту информацию предоставлять. И... Нина Ивановна пошла в Московский городской суд, и там, ввиду полной абсурдности решения, дело вернули в тот же Пресненский суд, на новое разбирательство, которое стало новой порцией пыток государственной машины против матери, потерявшей сына: массовые прогулы судебных заседаний официальными представителями министра Иванова, командования Сухопутных войск, в состав которых входят Таманская дивизия и 15-й полк. Они просто не являлись на назначенные слушания — нагло и настырно. Брали мать измором. Или осадой. А она — все ездила и ждала... Всякий раз. Туда-сюда из Иванова — и утыкалась в пустоту на скамейке ответчиков. И уезжала ни с чем. Простая пенсионерка — с уровнем нашего отечественного господобия по старости, рассчитанного только на то, чтобы не умереть с голоду, с мужем, смертельно запившим после Пашиных похорон и так и оказавшимся не способным выйти из этого страдательного пике...

В конце концов не выдержала судья Болонина (судья также Пресненского районного суда, к которой попало дело из Московского городского суда). Наконец, на восьмом заседании без ответчиков она оштрафовала Министерство обороны на 8 тысяч рублей. Естественно, в пользу госказны и из госказны. Жаль, что не из кармана министра Иванова и не в пользу матери. Подобное просто не предусмотрено — законодательство у нас на стороне не слабой жертвы, а власти, и без того сильной. 18 ноября 2002 года, после штрафа, представители министерства наконец-таки появились в Пресненском суде, но были они какие-

то странные — ничего не знали о деле, не понимали сути и, отказываясь представляться, жаловались на хаос в своем ведомстве, который во всем-то и виновен... И? И суд опять был перенесен — на сей раз на 2 декабря.

...Нина Ивановна плакала, стоя в неуютном судебном коридоре.

— Ну за что? — говорила она. — Можно подумать, это не они у меня сына забрали? Не они надо мной издевались?..

Как я завидую Сергею Иванову, министру нашей безжалостной к народу обороны. Ему так просто живется. Он не видит «деталей». Главная из которых — глаза матерей, потерявших сыновей на той «войне с международным терроризмом», на тему которой он, министр, так любит поговорить, доказывая лояльность к Путину. Он не слышит голоса матерей — они далеко от него. Он не чувствует их боли. Он ничего не знает о жизнях, которые поломал. О тысячах отцов и матерей, брошенных СИСТЕМОЙ после того, как их дети отдали за нее жизни.

«Путин не может отвечать за все!» — кричат у нас те, кто любит президента.

Конечно, не может. Он как президент отвечает за методологию. За подходы. Формирует их. Такая уж у нас традиция: кто наверху, тому и подражают.

И его методология по армейскому вопросу — как раз вышеописанная. Другой нет. Он неоднократно уже подписался под тем, что согласен с подобными рядовыми историями — а они именно РЯДОВЫЕ истории, — происходящими в нашей армии. А раз подписался, значит, ответствен за методологию жестокости и непримиримости, насаждаемую и в армии, и в государстве. Потому что жестокость — тяжелейшая инфекция, склонная к пандемии. Она не бывает одноразовой. Начинали с жителей Чечни и, хотя многим казалось, что на них и закончится, но продолжили на «своих», как это

принято теперь «патриотично» выражаться. Включая тех «своих», кто как раз-то и «патриотично» воевал с теми, с кого начинали, и только наивный мог рассчитывать на что-то другое.

— Ну да, случилось... Ну да, он погиб... Сделал свой выбор и шел своей дорогой, — говорит Нина Ивановна, отирая слезы на лице. Мимо идет судья Болонина в мантии с непроницаемым лицом. — Но вы же люди...

Люди?

Я часто думаю: человек ли Путин вообще? Или железная мерзлая статуя? Думаю и не нахожу ответа, что человек.

История вторая

54 солдата, или Эмиграция домой

Эмиграция — это такое место, куда бегут, когда дальнейшее пребывание на родине грозит смертью либо широкомасштабным наступлением государства на твою честь и достоинство. 8 сентября 2002 года именно это и случилось в Российской армии. 54 солдата ушли из армии в эмиграцию.

Было это так. На окраине деревни Прудбой Волгоградской области располагается учебный полигон 20-й гвардейской мотострелковой дивизии. Как-то из городка Камышина тоже Волгоградской области, с места постоянной дислокации войсковой части 20004, на полигон в Прудбой пригнали личный состав 2-го дивизиона.

Цель была благая — чему-то научиться. В роли учителей должны были, естественно, выступать офицеры — отцы-командиры. Но 8 сентября эти самые «отцы» — подполковник Колесников, майор Ширяев, майор Артемьев, старший

лейтенант Кадиев, старший лейтенант Коростылев, старший лейтенант Кобец и лейтенант Пеков взяли на себя совершенно не свойственные офицерскому уровню функции дознавателей. На построении солдатам было объявлено, что сейчас будет разбирательство на тему: кто ночью угнал с полигона БРДМ — боевую разведывательно-десантную машину?

При этом, как позже уверяли солдаты, БРДМ никто и не угонял — она продолжала себе стоять в дивизионном парке. Просто офицерам было скучно, они пили на полигоне уже который день, чувствовали себя, видимо, уже очень плохо от этого перепоя — и просто решили покуражиться. Собственно, подобное и раньше часто случалось на Камышинском, печальной славы, военном полигоне.

После построения с объявлением о разбирательстве в штабную палатку завели первую партию солдат — сержантов Кутузова и Крутова, рядовых Генералова, Гурского и Гриценко. Остальным было велено дожидаться своей очереди рядом, и очень скоро оставшийся на свободе личный состав услышал крики и стоны сослуживцев. Офицеры их попросту пытали. Вскоре первую партию вышвырнули из штабной палатки. Солдаты рассказали товарищам о том, как вышперечисленные «отцы»-командиры лупили их черенками саперных лопат по ягодицам и спинам, а ногами — по животам и ребрам.

Собственно, слова были лишние. Следы пыток на солдатских телах подействовали сильнее любых рассказов.

Затем офицеры объявили перерыв. Подполковник, два майора, три старших лейтенанта и один лейтенант объявили для себя обед, сообщив остальному рядовому личному составу, что после принятия ими пищи каждый, кто добровольно не признается в угоне БРДМ, будет точно так же избит, как те, кто теперь лежал на траве рядом со штабной палаткой.

С этим объявлением офицеры отбыли откушать суп.

А солдаты? Ушли... Взбунтовались, не пожелав быть овцами, ожидающими заклания. Они оставили на полигоне только тех, кто был в наряде, — для его охраны (оставление поста влечет уголовное наказание, суд и дисциплинарный батальон), а также избитых Кутузова, Крутова, Генералова и Гриценко, которые идти просто не могли.

Построившись в колонну, солдаты ушли с полигона в сторону Волгограда. Звать на помощь.

Но до города там неблизко — почти 180 километров. И все это расстояние 54 солдата прошли организованно, строем, ни от кого не скрываясь, по обочине оживленного шоссе, по которому туда-сюда проезжали в том числе и офицеры 20-й дивизии. И НИ ОДНА из машин не остановилась... НИ ОДИН из офицеров не подумал, что надо бы спросить: а что, собственно, случилось?.. Куда идете? И без офицера, что не по военному уставу?.. Ни один.

Так солдаты шли по шоссе до наступления темноты. На ночлег устроились в лесополосе, прямо у шоссе, не прячась. И все повторилось снова — ни одна офицерская душа их не искала... Несмотря на главное: отобедавшие подполковник, два майора, три старших лейтенанта и один лейтенант, выйдя из столовой, обнаружили свой 2-й дивизион сильно поредевшим. Им почти НЕКЕМ БЫЛО КОМАНДОВАТЬ...

Однако офицеры СПОКОЙНО ЛЕГЛИ СПАТЬ. Не зная, где их солдаты, за которых, в соответствии с законом, они несут полную персональную ответственность. Но отлично зная, что нет в нашей стране офицера, которого бы наказали за солдата...

Рано утром 9 сентября 54 солдата снова двинулись в путь. Пешком. Вдоль шоссе. Снова ни от кого не скрываясь. Опять мимо ехали военные на машинах. И НИКТО... (читай выше).

Отряд уважающих собственное достоинство был в дороге полутора суток, и НИКТО ИЗ 20-й ДИВИЗИИ ИХ НЕ ХВАТИЛСЯ. Вечером 9 сентября они вошли в Волгоград. И тоже совсем не тайно. Их видела милиция, охраняющая город. И снова — они НИКОГО НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ. Ни один офицер не поинтересовался, куда солдаты путь держат... Вечером...

Так, строим, солдаты дошли до центра города.

— Около шести часов вечера, а мы уже собирались уходить, вдруг звонок по телефону: «Вы работаете? Можно зайти?» — рассказывает Татьяна Зозуленко, руководитель Волгоградской областной правозащитной организации родителей военнослужащих «Материнское право». — Я ответила: «Заходите». Но, конечно, никак не ожидала подобного. Через несколько минут в маленькую комнатку нашей организации вошли четыре солдата и сказали, что их 54. Я спросила: «А где остальные?». И ребята провели меня в подвальчик нашего же дома — остальные стояли тут, в подвальчике. Я работаю в организации 11 лет, но такого за это время еще не видела. Первое, что мелькнуло в голове: «А где их размещать? Вечер уже...». А первое, что мы спросили: «Вы ели?». Они ответили: «Нет, со вчерашнего дня». Наши женщины сбегали за хлебом и молоком, принесли, сколько могли. Ребята набросились на еду, как собаки голодные. Но к этому мы привыкли: кормят в частях очень плохо, солдаты хронически недоедают. Когда они поели, я спросила: «Что вы хотите вашим поступком?». Они ответили: «Чтобы наказали офицеров, которые избивают солдат». Потом решили так: на ночевку устроим их прямо у нас, в «Материнском праве», вповалку, на полу, потому что утро вечера мудренее. А рано утром пойдем в гарнизонную прокуратуру. Я заперла дверь, пошла домой — я живу рядом, думала, если надо, быстро приду. В 11 вечера позвонила им — и никто не взял трубку. Я подумала: «Просто устали, спят. Или боятся брать трубку». В два ночи меня разбудил наш юрист Сергей Семушин. Он сказал, что неизвестные люди позвонили ему и попросили «принять помещение». Через несколько минут я была на месте. Вокруг стояли военные «бобики», в них —

какие-то офицеры. Они не представились. А солдат уже не было. Я спросила у офицеров, где они, ответа не последовало.

Кроме того, сотрудники «Материнского права» обнаружили взломанной и раскуроченной свою компьютерную сеть с информацией о воинских преступлениях в 20-й дивизии. А также под ковриком — солдатскую записку. Просто о том, что их куда-то увозят, бьют, и они просят о помощи...

Остается добавить немного. Офицеры на полигоне хватились своих солдат, только когда им позвонили «сверху». Это произошло поздно вечером 9 сентября, когда Татьяна Зозуленко связалась с волгоградскими журналистами и первая информация об ушедших солдатах пошла в радиоэфир. Штаб округа, естественно, потребовал у офицеров объяснений, вот те и обнаружили «недостачу»...

Ночью к «Материнскому праву» подогнали машины и всех 54 увезли на гауптвахту в военную комендатуру. А потом обратно — в часть. Под надзор тех самых офицеров, от побоев которых солдаты ушли с полигона. Татьяна Зозуленко спросила волгоградского гарнизонного прокурора Чернова (его обязанность — следить за правоохранительной ситуацией в частях гарнизона), зачем же он «так поступил». И тот ответил прямо: «Потому что это НАШИ солдаты».

Это ключевая фраза истории «54-х». «НАШИ солдаты» означает «наши рабы». Никакого другого смысла прокурорская фраза не несет. У нас все остается по-прежнему: извращенно трактуемое понятие «офицерской чести», которую вечно требуется защищать, всегда оказывается выше, чем жизнь и достоинство солдатское. В марш-броске с Камышинского полигона мы имеем дело, во-первых, с неискоренимой отвратительной армейской традицией, что СОЛДАТ — ОФИЦЕРСКИЙ РАБ, офицер всегда прав и может делать с солдатом все, что хочется. И, во-вторых, с тем, что гражданский контроль над армейскими структурами, об обязательном установлении которого много

говорили в ельцинские годы и был даже написан соответствующий законопроект, теперь похороненный в связи с тем, что президент Путин, как человек сугубо советский и военный и, значит, разделяющий первую главную армейскую посылку, считает его совершенно не нужным Российским вооруженным силам.

Заметьте важную деталь: суть истории заключается в том, что вся 20-я дивизия (так называемая Рохлинская, потому что раньше ею командовал герой первой чеченской войны, ныне застреленный депутат Государственной Думы Лев Рохлин), а особенно воинская часть № 20004 — давно имя нарицательное и в Волгограде, и в Северо-Кавказском военном округе, и в России.

— Целый год мы отправляли в военную прокуратуру — прежде всего, господину Чернову, гарнизонному прокурору, и далее — всем по иерархии выше, вплоть до Главной военной прокуратуры в Москве — информацию о преступлениях, совершаемых офицерами части № 20004, — говорит Татьяна Зозуленко. — Часть № 20004 по количеству солдатских обращений к нам — на первом месте. Офицеры бьют подчиненных, вымогают у солдат, вернувшихся из Чечни (20-я дивизия — воюющая как в первую, так и во вторую чеченскую войну, воюющая до сих пор), деньги, так называемые «боевые»... Мы не говорили об этом — мы просто кричали! И ничего... Прокуратура заняла позицию замалчивания всего, что творится. Мы считаем следующее: то, что случилось на Камышинском полигоне, — закономерный итог полной офицерской безнаказанности.

Конечно, у нас в стране есть военный бюджет, и много споров вокруг этого. Есть военное лобби — оно борется за новые инвестиции и заказы, оплаченные из государственного бюджета. Все, как везде. И об этом писать неинтересно, потому что одинаково международно-унифицированно... Да, забыла очень важное, отличающее нас от других: у нас есть производство и торговля оружием по всему миру, все-таки мы — страна, давшая миру автомат Калашникова, и многие у нас этим гордятся.

Но мне не хочется забивать ваши головы цифрами наших милитаристских экономических достижений. Мой взгляд другой: чувствуют ли себя люди счастливыми при том порядке, который установил президент Путин? Считаю это главной оценкой деятельности руководителя государства. И вот, пытаясь ответить на этот вопрос, я иду в Комитет солдатских матерей и спрашиваю женщин, которые туда приходят: «Ваши дети были счастливы, попав в армию? Они действительно стали там настоящими мужчинами?». И так я узнаю совсем другую армию...

Несколько коротких историй

Деталь — важнее образа. Деталь — важнее образа. По крайней мере, для меня.

...Мишу Николаева, жителя Московской области, проводили в армию в июле 2001 года. Попал он служить в пограничные войска, на далекую от столицы (10 часов лета) погранзаставу у поселка Горячий Пляж на острове Анучина Малой Курильской гряды — той самой, за которую так отчаянно спорят российские и японские политики со времен Второй мировой войны.

Пока идут споры, кому-то надо эту границу охранять. Миша стал одним из таких. И продержался на дальневосточной заставе полгода — 22 декабря 2001 года он умер. Но тревожные письма пошли домой уже осенью, когда Миша обнаружил на своем теле гнойные язвы. Он просил: «Пришлите медикаменты: мазь Вишневского, стрептоцид, ну, короче, все средства против гниения, анальгин, зеленку, бинт, по возможности лейкопластырь... Тут ничего нет». Родители безропотно отправляли посылки, сознавая, что армия у нас бедная, и в то же время думая, что, наверное, не все так страшно, потому что Миша ведь продолжает работать... поваром на кухне! А если бы он был тяжело болен, полагали родители, кто бы его близко пустил к котлам с пищей...

Однако с множественными гнойными поражениями кожи он продолжал варить обеды для всех. Когда патологоанатом сделал посмертное вскрытие Мишиного тела, он констатировал, что ткани несчастного буквально расплзлись под скальпелем — в начале XXI века солдат заживо сгнил на глазах у офицеров, не получив НИКАКОЙ медицинской помощи. Ничто не спасло Мишу от офицеров, которым ни до чего нет дела...

...Дмитрий Киселев попал служить в подмосковный поселок Истра — это считается у нас большой удачей. Рядом Москва, и родители-москвичи всегда могли приехать и навестить сына, прорваться к командиру, если бы требовалась помощь, — не Курильская гряда. Однако и это не спасло Диму. На сей раз — от развращенных офицеров.

Подполковник Александр Бороненков, командир воинской части, где оказался солдат Киселев, имел приработок на стороне — у него был свой маленький бизнес помимо офицерства. Обычное, кстати, дело теперь в нашей армии — кто-то что-то кумекает на стороне, поскольку жалование невысокое. Однако бизнес этого конкретного подполковника был рабовладельческий — он продавал своих солдат хозяевам близлежащих участков земли (поселок Истра — дачный) в качестве дешевой рабочей силы. Там они работали только за обед, а деньги получал командир Бороненков. Метод зарабатывания денег этим конкретным подполковником — не уникален и не им изобретен. В армии это развито: солдат продают богатым людям «насовсем» — на все время службы, в бесплатные работники, то есть в рабство. Ими (их бесплатным трудом) расплачиваются с «нужными» людьми. Например, нужно офицеру машину починить, а денег нет, вот он и пригоняет в автосервис солдатиков, а те там бесплатно работают на автомастеров, сколько те захотят, и за это ремонтируется машина офицера. Солдат, наконец, дают «взаимы». Самое распространенное явление — использование подневольных бесправных солдат в своем собственном офицерском хозяйстве.

Вот так в конце июня 2002 года настала очередь идти в рабы и для новобранца Димы Киселева. Солдата отправили строить дом некоему господину Карабутову в садовое товарищество «Мир», расположенное тут же, в Истринском районе. Сначала, действительно, Дима строил дом. Потом вместе с семью другими солдатами-рабами Дима должен был рыть глубокую траншею вдоль участка. 2 июля, в семь часов вечера, грунт в вырытой траншее обрушился, троих ребят завалило, а Дима, один из них, задохнулся под слоем земли. Подполковника Бороненкова родители пытались привлечь к суду, но он отвертелся — у него было много «нужных» людей. А Дима был единственным сыном...

...28 августа 2002 года в воинской части № 42839, расквартированной в Чечне, неподалеку от станицы Калиновской — это там, где боевые действия давно не идут, — пьянствовали «деды». «Деда» — это солдаты, которым вот-вот увольняться в запас, и самая страшная, убойная сила нашей армии. Вечером «дедам» показалось, что водки маловато, и они послали первого подвернувшегося им под руку солдата Юрия Дьяченко в станицу — «где хочешь, достать еще». Солдат отказался. Во-первых, в этот момент он стоял на посту, охраняя часть по периметру, и уходить не имел права. Во-вторых, у него не было денег, он это объяснил, но «деды» потребовали, чтобы рядовой что-нибудь своровал в станице и таким образом нашел им водку.

Однако Юра сказал твердо: «Нет. Не пойду». Дальше его очень долго и сильно били. До пяти утра. В перерывах между побоями «деды» унижали его жестоко и низко. Например, макали половую тряпку в туалетную «дыру» с нечистотами — и вытирали потом ею Юрино лицо... Заставили мыть пол, и, когда он наклонялся, по очереди били в область заднего прохода палкой от швабры... В заключение сеанса «воспитания» (так они это называли) «деды» потащили Юру в столовую и заставили съесть бачок каши объемом в три литра, не разрешая — побоями — останавливаться.

Где были офицеры? В эту ночь они тоже пьянствовали и физически не могли ни на что обратить внимания. 29 августа, около шести часов, Юру Дьяченко обнаружили в углу продовольственного склада. Он повесился...

...Сибирь — это не Чечня, это очень далеко от нее и от войны. Но и это дела не меняет. Валерий Путинцев, парень родом из Тюменской области, попал служить в Красноярский край, в районный городок Ужуру, в элитные части Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Его мама, Светлана Путинцева, очень обрадовалась: считается, что в ракетных частях самые высокообразованные офицеры, которые не пьют, солдат не бьют и поддерживают дисциплину, поскольку имеют отношение к самому современному и опасному оружию. Но вскоре от сына стали приходиться тяжкие письма, в них он не называл офицеров иначе, как «шакалами».

«Здравствуй, мама! Это письмо, кроме тебя, никому в руки попасть не должно. Особенно, пожалуйста, убереги мною написанное от бабули. Думаю, мы с тобою друг друга хорошо поняли, и ты не допустишь, чтобы бабуля трепала себе последнее здоровье, — я очень переживаю за нее... Я до сих пор не могу смириться с тем, что служу рабом для блага мне ненавистных. Я просто больше жизни хочу работать во благо своих, поднимать семью, цену которой понял лишь здесь...».

Валерию не удастся «работать во благо своих». В ужурских казармах царил полный офицерский беспредел. Лейтенанты грабили солдат до нитки, измывались над теми, кто пытался защитить свое достоинство, — таким был и Валера. За полгода, которые он пробыл в части, из нее ушло четыре гроба — все солдатские. И все в гробах — умершие от побоев.

Прежде всего офицеры забрали у Валеры форму (а ничего, кроме формы, у нашего солдата в армии нет — любая другая одежда отсутствует) и сказали, что теперь он должен ее у них «выкупить». Естественно, написав домой и попросив «срочно» выслать денег. Валера сопротивлялся, как мог, — он знал, что мать,

живущая очень скромно вместе с бабушкой-пенсионеркой, сестрой и ее маленькой дочкой, ему не может выслать денег. За это его много и сильно били. Наступил момент, и Валера огрызнулся, дал отпор — и тогда его отправили на гауптвахту за неповиновение и там имитировали побег, тяжело ранив при этом... Светлана, мать, занервничала, позвонила командиру части — подполковнику Бутову. И тот ее «успокоил», сказав, что умеет бить так, чтобы не оставлять следов... Светлана бросила все и срочно прилетела в Ужур. И застала сына умирающим. Оказалось, он получил огнестрельные ранения органов малого таза, мочевого пузыря, мочеточников, бедренной артерии... В госпитале Светлане сказали: «Ищите кровь для переливания. Срочно. У нас крови нет». Это значит надо найти доноров... Но как? В чужом городе, одна... Она бросилась в воинскую часть: «Помогите!», а командир отказал. Она носилась по городу, пытаясь сделать еще что-то для сына, но не успела... И ее мальчик, не дождавшись крови, умер 27 февраля 2002 года.

В одном из последних писем Валера писал Светлане, будто предвидел: «Я не очень рассчитывал на их «офицерскую» помощь. Они способны лишь на несправедливые унижения...».

...Опять Подмосковьё. Поселок Балашиха. Воинская часть № 13815. Утро 4 мая 2002 года. Две работницы котельной, дающей тепло в эту часть, слышат крики о помощи где-то неподалеку от них. Они выскакивают во двор и видят, что посередине вырыта траншея, в которую по шею закопан солдат. Он-то и зовет добрых людей на помощь. Женщины откопали солдата, разрезали веревку, которой были связаны его руки и ноги, и помогли выбраться из ямы.

Тут-то и появился разъяренный майор Александр Симакин. Он закричал на женщин: мол, не трогайте, это он так воспитывает солдата Чеснокова, и если они, женщины, не уйдут обратно в котельную, то он «их уволит».

Солдат Чесноков, выбравшись из ямы, убежал из части...

P.S. *Армия в России — один из традиционно основных государственных институтов — продолжает оставаться типичным лагерем за колючей проволокой для бессудно заточенных туда молодых граждан страны. С соответствующими, подчеркнута тюремными, правилами общежития, насаждаемыми офицерами. Где «мочить в сортире» (первый, при восшествии на кремлевский престол, провозглашенный Путиным лозунг борьбы с внутренними врагами) — главный метод воспитания.*

Возможно, это нравится нашему нынешнему президенту, у которого подполковничьи погоны и две дочери дома, которым не придется служить в такой армии. Но всем нам (кроме офицерского сословия, прекрасно себя чувствующего в роли паханов-беспредельщиков) от этого очень плохо. Особенно тем, у кого родились сыновья. Тем более тем, у кого они достигли призывного возраста, и, значит, совсем нет времени дожидаться армейских реформ, так давно обещанных обществу и традиционно пробуксовывающих. И эти сыновья рискуют уйти от нас прямоком либо на Камышинский полигон, либо в Чечню, либо еще куда-то, откуда дороги нет.